

Марк Блиев

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

в коллизиях российско-грузинских отношений

© европа

Марк Блиев

**Южная Осетия в коллизиях
российско-грузинских отношений**

«Европа»

2008

Блиев М.

Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений /
М. Блиев — «Европа», 2008

Обстоятельная книга Марка Блиева погружает читателя в историю с древнейших времен, включая вековые попытки грузинских князей лишить осетин воли, земли и крайне непоследовательные действия российских наместников на Кавказе. Лишь Николай I лучше других понимал ситуацию и воспротивился размаху карательных мер, направленных против осетин. Северная Осетия жила по законам Российской империи, Южная – практически оставалась под властью грузинских угнетателей. Сталин продолжил традицию, передвинув границу с Грузией так, что к ней отошла вся Военно-Грузинская дорога. Особенно ценна возможность шаг за шагом проследить, как новая Грузия стремилась вытеснить осетин из родных мест, для начала в 1990 году отказав Южной Осетии в праве на автономное существование. Сочинские соглашения эпохи игр Шеварднадзе с Ельциным сделали Россию единственным гарантом существования Южной Осетии, которому постоянно угрожает авантюризм Тбилиси. В оформлении обложки использована картина Залины Хадарцевой «Весь мир – мой храм...» This detailed book by Mark Bliev immerse the reader into is history starting with the remotest times and includes the account of the age-old attempts on the part of the Georgian lords to strip the Ossetians of their will and land, while the actions of the Russian governors in Caucasus have been marked with extreme inconsistency. Only Nikolas I seem to have understood the situation better that others opposing the wide scope of punitive measures against the Ossetians. North Ossetia lived by the laws of Russian Empire while South Ossetia practically remained under the authority of the Georgian oppressors. Stalin continued with this tradition moving the borders with Georgia so that it gained control of the entire Voенно-Gruzinskaya road. It is especially valuable to have the opportunity to trace the attempts on behalf of the new Georgia to expel the Ossetians from their back yard. First of all, in 1990 Georgia denied South Ossetia the right of independent existence. The Sochi accords that belong to the times when Shevargnadze was playing with Eltsin

resulted in Russia becoming the only sponsor of South Ossetia's existence, which is constantly being challenged by the adventurism of Tbilisi.

© Блиев М., 2008

© Европа, 2008

Содержание

Введение	6
Часть I	11
О древних обитателях, племенах и государственных образованиях Закавказья (общие замечания)	11
От «Гурджистанского валийства» – к созданию страны «Грузии»	20
Подъем «импортной» модели грузинского феодализма: экспансия в Осетии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марк Блиев

Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений.

Введение

С тех пор как современная Грузия встала на путь создания независимой государственности и перед ней возникли проблемы территориальной целостности, заметно повысился интерес к российско-грузинским отношениям и, в контексте этих отношений, к теме традиционного осетино-грузинского взаимодействия. Пытаясь хотя бы частично удовлетворить читательские запросы, автор публикуемой монографии взялся за освещение исторических аспектов этой темы, во многом объясняющих суть современных политических процессов. Вместе с тем ставится задача раскрыть социальную природу периодически и устойчиво повторяющихся как российско-грузинских, так и осетино-грузинских противоречий. Исходную фундаментальную сторону исследования автор видел в строгом следовании фактическому материалу и той хронологической последовательности, в которой состоялись исторические факты и события. Сюжет и концепция монографии формировались на основе базовых явлений, выстраивавших канву целостного исторического процесса. В лапидарном и схематическом изложении они сводятся к следующему.

В истории взаимодействия России и Кавказа особое место занимают длительные и тесные российско-грузинские взаимоотношения. Главным и, пожалуй, самым необычным в этих отношениях политическим течением явились усилия России, направленные на создание из двух небольших и малоприметных княжеств – Картли-Кахетинского и Имеретинского – новой на Кавказе страны с русской номинацией «Грузия»; ранее указанные княжества представляли собой владения соседних государств – Картли-Кахетинское княжество принадлежало Персии, Имеретинское – Османской империи. Присоединение их к России заведомо обрекало Петербург на то, что два княжества, расположенные в Закавказье, оторванные от российских границ Главным Кавказским хребтом и не сулившие сколько-нибудь существенных выгод, станут причиной длительных и кровопролитных войн. Несмотря на это, Петербург принялся не просто избавлять грузин от многовекового господства соседних государств и крайних форм геноцида, но еще брал на себя «восстановление» Иверии в ее «древних границах». Трудно было объяснить мотивы, послужившие поводом для таких необоснованных обязательств, потому что ни у древней Иверии, ни у Грузинского государства, созданного царицей Тамарой и ее осетинским мужем Давидом-Сосланом, попросту не было сколько-нибудь очерченных политико-административных границ. Логичнее было ожидать от Петербурга объединения этнически родственных Картли-Кахетинского и Имеретинского княжеств – того, о чем мечтал Ираклий II, думая об освобождении грузин от иностранного ига. Но идея «восстановления» «древних границ» Иверии явно подразумевала нечто более масштабное – и включала не только географическое пространство на Кавказе. Замысел о границах вряд ли исходил от Петербурга – не ставила же Россия, присоединяя Армению, задачу возрождения ее в границах Урарту. Видение Грузии в гипотетических территориальных масштабах древней Иверии скорее всего было связано с политическими запросами грузинской знати, в свое время формировавшейся на идеологических установках экспансионистской феодальной Персии. Наш посыл основан не только на традициях. Тайну об этих границах, до которых грузинские тавады – бывшие персидские валии желали расширить зону своих феодальных притязаний, приоткрыл грузинский князь Цицианов – один из первых российских главнокомандующих на Кавказе. Он считал, что в

прежние времена «Гуржистанское валийство – так в Персии называли грузинские княжества – простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до Куры и Аракс», т. е. до границ Персии и Турции. Несмотря на то, что заявление князя Цицианова носило характер ретроспективы, нет сомнения – оно обнажало планы, возникавшие у грузинской знати в связи с созданием Россией единой страны для грузин. Собственно, грузинский князь Цицианов, обрисовавший карту «древней Грузии» в гипертрофированном виде, был первым, кто практически приступил к расширению границ – например, присоединил в 1805 году к Грузии Шурагельское султанство, ранее зависимое от хана Еревана. У Цицианова была короткая жизнь, но его идея воссоздания «великой Грузии», исходившая от грузинской феодальной знати, имела настойчивую поддержку у абсолютного большинства российских главнокомандующих и наместников на Кавказе. Дискреционность такой политики заключалась в том, что она не соотносилась, как правило, с образом действий, избранным тавадской знатью в отношениях с Россией. Впрочем, в истории российско-грузинского взаимодействия не было периода, когда бы грузинская политическая элита – широко декларируя гуманистические ценности дружбы, военного союзничества и православного родства – не фрондировала, не состояла в заговоре и не предавала интересов России. Негативные проявления такой политической амплитуды обычно выливались в тавадскую фанаберию, часто переходившую к формам ксенофобии и русофобии.

После присоединения грузинских княжеств к России на протяжении всего XIX и начала XX века социальная основа российско-грузинских противоречий состояла главным образом в существенных различиях, сложившихся в феодальном общественно-экономическом укладе: грузинская модель феодализма, с XVI века трансформировавшаяся в «разбойную» социальную систему сефевидской шиитской Персии – в сеньорию без домена, принципиально расходилась с российским феодализмом, основанным на европейском принципе – сеньория с домом. Серьезное несходство двух феодальных систем приводило местную тавадскую знать не только к противостоянию российским властям, но и к выработке в среде этой знати своеобразной идеологической традиции с неизменными чертами русофобии. Отдаляясь таким образом от российских интересов на Кавказе и концентрируясь только на собственных утилитаристских выгодах, грузинская феодальная знать вступала с российской администрацией в неразрешимое противостояние. Что же до российских властей, расположившихся в Тифлисе, в центре Грузии, то под давлением постоянно фрондировавшей местной знати они были обречены идти на поводу у грузинских тавадов и, желая умерить их социальную экспансивность, предоставлять им различного рода привилегии. Среди последних важное значение придавалось ориентации грузинского общества на территориальное расширение и связанные с этим вооруженные захваты.

В эту весьма сложную сферу российско-грузинских отношений, начиная с присоединения грузинских княжеств к России, были втянуты южные районы Осетии, получившие у российской администрации политико-географическое название «Южная Осетия»; такое наименование югоосетинских обществ вполне идентифицировалось с принятым в осетинском языке – «Хуссар Ирыстон». В условиях противоречивых российско-грузинских отношений Южная Осетия постепенно становилась политическим полем, где российские власти пытались разрешить непомерные владельческие притязания грузинских тавадов. Именно здесь, в Южной Осетии, больше, чем в самой Грузии, грузинские феодалы при поддержке российских воинских сил имели наибольший простор для широкого применения ими деспотических методов угнетения, в свое время укоренившихся в грузинском обществе благодаря господству шахской Персии. Ранее югоосетинские общества, граничившие с «Гурджистанским валийством», также периодически попадали под влияние грузинского феодализма, оказывая его распространению упорное сопротивление; Южная Осетия сохраняла свою независимость вплоть до 1864 года, до крестьянской реформы в Грузии. В пореформенный период она была подвергнута со

стороны грузинской знати тотальной экспансии, вызвавшей в осетинских обществах национально-освободительное движение. Расправляясь с вооруженным движением сопротивления осетинского народа, российские власти в угоду грузинской знати приступили к частичной депортации южных осетин на Северный Кавказ, в частности в районы Ставропольской губернии. По примеру черкесов, накануне подвергшихся депортации, российские власти угрожали начать массовое выселение южных осетин из их исторической родины. Российское командование совместно с грузинскими войсками подавило освободительное движение осетинского крестьянства. В югоосетинских обществах, за исключением высокогорных районов, возобладало господство грузинской знати.

Безотчетное российское покровительство над тавадской знатью способствовало созданию в грузинском обществе особого «аристократического» слоя, в своем большинстве состоявшего из грузинских феодальных кланов. Неустанно пестуя его, Петербург не заметил, как вместо социальной опоры, на кою он рассчитывал, сформировал в Грузии политическую силу, для которой приоритетной становился отказ от российского покровительства и установление в грузинском обществе своего безраздельного господства. В начале XX века грузинская элита, добившись немалых экономических преимуществ, консолидировала свои консервативные ряды и вновь усилила центробежные тенденции, приводившие ее к обострению российско-грузинских отношений. Этот набиравший силу общественный процесс в грузинской историографии принято рассматривать как «национально-освободительное движение». Его социальная природа, однако, обнажилась окончательно в условиях Первой мировой войны и революционных потрясений 1917–1920 годов. В эти годы грузинская знать явно уже не нуждалась в ослабленной России, ранее считавшейся «освободителем Грузии». Прикрываясь демократическими лозунгами, она совершила своеобразную «феодальную революцию» – вышла из состава России и создала «Республику Грузию» во главе с теми же тавадскими консервативными кругами. Хорошо понимая социальную суть новой власти, утвердившейся в Грузии, Южная Осетия, еще во второй половине XIX века отданная на произвол грузинским феодалам, объявила в свою очередь о политической независимости и обратилась с просьбой о принятии ее в состав Советской России. Это было время, когда Грузия, противостоя Россия и готовясь к войне с ней, установила военно-союзнические отношения с Турцией, Германией, Францией и США. При этом новая российская власть, признавшая Грузию как суверенное государство, не давала поводов грузинскому правительству к разрыву в отношении России конфронтационной политики. Несмотря на это, Грузия готова была вступить в стовор с любым государством, лишь бы подчеркнуть свое противостояние России. Причиной тому являлись два наиболее важных момента: а) сохранившаяся социальная разнородность российского и грузинского обществ, а также сформировавшаяся на этой почве в Грузии идеология русофобии; б) политическая разнотипность установившейся в России Советской власти и профеодального режима, созданного с 1918 года в Грузии. Гетерогенность двух социальных систем, исторически сложившихся, с одной стороны, в России, с другой – в Грузии, особенно давала о себе знать в переходные периоды экономической и политической истории двух разновеликих стран. Отстаивая свой собственный национально-социальный облик, грузинская элита обнажала свойственные ей восточно-деспотические изощренные методы политической борьбы и принималась за милитаризацию страны. Начиная с 1918 года Республика Грузия приступила к созданию регулярных войск, оснащению их западными образцами оружия – и вскоре напала на Южную Осетию. В войне с Южной Осетией Грузия продемонстрировала прежде всего свое полное отречение от всего российского и готовность к вооруженному противостоянию с Советской Россией. Одновременно она проявила приверженность к восточным формам насилия, посредством которых осуществляла физическую расправу над осетинским народом; по методам организации вооруженной агрессии в Южной Осетии, по ее глубокой бесчеловечности Грузия целиком повто-

ряла сценарии геноцида, проводившегося в 1915 году турецким правительством в отношении армянского народа.

Агрессивные внешнеполитические ориентиры грузинских властей, концентрация на территории Грузии воинских сил враждебных России государств, а также развернувшееся в ней большевистское движение явились основными причинами ввода в Грузию Красной армии и свержения антинародного политического режима Н. Жордания. Несмотря на кардинальные перемены, происшедшие с установлением Советской власти в политическом устройстве Грузии, грузинское общество жестко отстаивало привычные для него социальные установки. Среди них особенно заметной оставалась неизменная тяга властвовавшей элиты к восточным тоталитарным формам организации государственной жизни. В этом ключе немалый интерес у этой элиты вызывала Советская власть с ее открытой идеологией диктатуры; у политических сил Грузии была своя собственная трактовка как Советской власти, так и сути ее диктатуры. В частности в рамках именно такой трактовки Иосиф Сталин и Григорий Орджоникидзе, наиболее известные грузинские большевики, стремились Советскую республику Грузию сконструировать по классической имперской модели. Не считаясь с волей соседних с Грузией народов, грузинские большевики, занимавшие в Советской России ключевые позиции, присоединили к Грузинской республике Абхазию, Аджарию и Южную Осетию, удовлетворив тем самым шовинистические амбиции политических сил, возникших в Грузии еще в XIX веке. В составе Советской Грузии Южная Осетия, еще недавно переживавшая грузинский геноцид, попала в условия перманентной экстраполяции на нее идеологической системы ксенофобии, инициировавшей жестокую расправу над осетинским народом. Заранее она была обречена на статус колониальной окраины Грузии и тяжелые формы дискриминации. В результате в бывшем СССР Южная Осетия стала единственным районом, где демографические процессы имели неуклонную тенденцию к сокращению численности населения: если в 60-е годы XIX века население Южной Осетии составляло около 150 тысяч, то в 30-е годы XX века оно исчислялось в 107 тысяч, в 1989 году – 96 тысяч, после 1992 года – менее 50 тысяч. Вопреки известности этих данных, в 80-е годы XX века представители грузинской мизантропии открыто и не колеблясь обсуждали нацистскую идею стерилизации осетин в Грузии. Нужен ли более яркий симптом того, сколь тяжело больным становилось грузинское общество, вступившее в полосу фашизации?! Общий фон болезни обозначился еще в середине 60-х годов XX века и определялся социальной сущностью теневой экономики, в сфере которой Грузия числилась среди самых преуспевающих союзных республик. К основным последствиям указанной экономики в Грузии следует отнести максимальное (до 17%) сокращение числа лиц, занятых «законным производством»; образование значительного слоя мелких хозяев; формирование так называемой коррумпированной знати, или иначе – рентной экономики в системе партийно-государственного управления; накопление крупного теневого капитала, все еще остававшегося в тисках отживших свое время политико-идеологических догм и приводившего к развалу государственного сектора экономики и обнищанию масс. Процессы в экономике, социальной жизни, устойчивые традиции неонацизма, шовинизма и ксенофобии спонтанно толкали грузинское общество к националистическим идеям, в том числе к их крайней форме – нацизму. Такое общество, как грузинское конца 80-х годов, обычно ориентировано на поиски «внешних врагов». К ним идеологи национал-социализма отнесли Россию, Абхазию и Южную Осетию, обвинявших в «привнесении» в Грузию большевизма и Советской власти. В подобного рода абсурдных обвинениях важное место занимало утверждение о том, будто Южная Осетия – «внутренняя территория» Грузии, в новое и новейшее время якобы заселенная осетинским населением. Во имя освобождения «своей исконной территории» грузинский экстремизм вновь объявил геноцид осетинскому народу и подверг его тяжелым испытаниям.

Приведенные выше положения определяют общий контекст, которым задана содержательная архитектура монографии, предлагаемой нами вниманию читателя. В ней приводятся

достаточно подробные сведения об осетино-грузинских политических контактах с древнейших времен и до новейшей эпохи. Одновременно подвергнут описанию и анализу оригинальный исторический материал, раскрывающий сложные процессы российско-грузинских отношений и исторические судьбы Южной Осетии в системе этих отношений. При этом в интересах научной объективности автору пришлось отказаться от идеологизированной исторической традиции, при которой в освещении российско-грузинских отношений и осетино-грузинских взаимодействий приоритет отдавали идиллическим картинам и избегали научных оценок сложных и порой противоречивых процессов, требовавших от исследователя как реконструкции исторических реалий, так и их системного анализа. Изменив таким образом методологию предмета, коему посвящена монография, предпочтение было отдано архивным документам. Наряду с изысканиями в Российском государственном военно-историческом архиве автор широко привлекает опубликованные документы из следующих изданий: «Акты Кавказской археографической комиссии», «История Осетии в документах и материалах» (т. I, 1962), «История Юго-Осетии в документах и материалах» (т. II, 1960; т. III, 1961), «Документы по истории Грузии» (т. I, ч. I, 1954; ч. II, 1960), «Революционное движение в Юго-Осетии. Документы и материалы» (1958), «Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть» (1957). Большинство исторических источников, опубликованных по Южной Осетии, – извлечения видного осетинского археографа и источниковеда И.Н. Цховребова, сделанные им главным образом в Центральном государственном архиве Грузии. По событиям и фактам новейшего времени – 1989–1992 годов – в нашем распоряжении был сборник документов и материалов «Грузино-осетинский конфликт», подготовленный к изданию К.К. Кочиевым и любезно предоставленный составителем в рукописи. Автор стремился также к максимальному привлечению литературы, посвященной общим проблемам российско-грузинских, российско-осетинских и осетино-грузинских отношений; что же до специальных исследований, которые бы изучали тему в обозначенном нами аспекте, то пока их просто нет. Источниковедческие и историографические замечания вынесены из введения в основной текст монографии. Стоит отметить также, что из-за политической остроты темы, нестабильности обстановки и распространенности экстремизма в Республике Грузии автор, опасаясь за сохранность ценнейших грузинских документов, воздержался от подстрочных ссылок на источники; вместо них приведен библиографический список источников и литературы, на основе которых исследовалась проблема. И последнее: из сообщений толерантности при описании фактов насилия, жестокостей, широко применявшихся грузинскими тавадами и политической элитой в отношении населения Южной Осетии, автор избегал подробностей и лишь в редких случаях приводил примеры подобной мизантропии, представляющей собой наследие, доставшееся Грузии от шахской Персии.

Техническую подготовку текста монографии к изданию выполнила В.В. Саутиева, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

Марк Блиев, июнь 2005 года

Часть I

Генезис социально-исторических коллизий в процессах взаимодействия России, Грузии и Осетии

О древних обитателях, племенах и государственных образованиях Закавказья (общие замечания)

На всем постсоветском пространстве современный филистер и высокий чиновник, несмотря на социальную отдаленность друг от друга, имеют одну общую особенность – оба они, занятые повседневностью, равнодушны к тяжелым, но правдивым страницам истории. Они предпочитают питаться мифами, на злобу дня подбрасываемыми сообществом невежественных сочинителей. Падки на вымыслы также СМИ, особенно электронные – любители острых сюжетов. Недавно, в разгар обострившейся в Южной Осетии политической ситуации, журналист Центрального телевидения, ссылаясь на «грузинские источники», сообщил, что «осетины поселились в Грузии» в советское время. В такое не поверит даже грузинский обыватель, однако он, как и его вполне образованные руководители – бывший президент Грузии Звиад Гамсахурдия и его идейный наследник Михаил Саакашвили, уверен, что где-то в XVI или XVIII веке осетины пришли в Закавказье и захватили центральную часть территории Грузии. При наборе самых разных версий по поводу «происхождения осетин» в Закавказье неизменно вписанный красной строкой тезис об обязательном исправлении «исторической аномалии» и возвращении грузинам их «родины», которая, как известно, им «досталась от Бога». Неважно когда, но в том, что осетины вторглись или же мигрировали за Кавказский хребет, грузинская историография убедила не только российско-грузинское просвещенное сообщество, но и самих осетин – особенно ту их часть, которая свое прошлое начинает с 1917 года. Банальная мысль: миграция народов (великих и малых) – одна из главных примет мировой истории. В новой истории самым варварским и масштабным переселением европейцев явилась колонизация Америки; по сей день местные аборигены довольствуются тем, что им даруют жизнь в специально отведенных для них резервациях. Немыслимо, чтобы подобный исторический сценарий произошел на Кавказе, где каждый народ «автохтонен», т. е. исконен, и независимо от численности относит себя к «великим». В этом соревновательном занятии грузинские историки превзошли всех. Здесь дело доходит до таких открытий, как теория о том, например, что пшеница, плохо произрастающая в Грузии, «впервые» была выращена именно в Грузии, то же самое с виноградом. В сущности, для современной политической жизни равным счетом ничего не значит, кто на Кавказе исконный, а кто пришлый. С точки зрения исторической науки, все народы, населяющие современный Кавказ, как правило, пришлые – одни пришли раньше, другие позже. Никто, кажется, не сомневается в том, что осетины – индоевропейского происхождения и вместе с армянами населяли Арийский ареал. Это такая же истина, как и то, что на Кавказе индоевропейские племена, которые следует рассматривать как наиболее близких предков современных осетин, создали самобытную Кобанскую культуру, датируемую XVI-IX веками до нашей эры. В советское время археолог Баграт Техов на территории Южной Осетии извлек и исследовал богатейшую коллекцию Кобанской культуры – в ней более пяти тысяч единиц хранения. Стало очевидным – создателями этой культуры, отличающейся жестким единством стиля и технологии производства, были племена одной и той же духовной, хозяйственной и социальной организации общества. Кому в Южной Осетии принадлежала Кобанская культура, кто были ее носители, в свете современных достижений науки

не должно больше вызывать споров. Грузинские историки пока не претендуют на «кобанцев», потому, очевидно, что их слишком много не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

К чести грузинских ученых, они признают, что Кобанская культура сложилась раньше Колхидской и что последняя развивалась преимущественно под влиянием «кобанцев». Есть еще одно важное признание грузинской историографии: перечисляя древние очаги цивилизации на территории Советской Грузии, куда входила Южная Осетия, среди других не забывалось также «Кударо». Правда, как правило, не принято указывать, что «Кударо» – часть исторической территории древнейшей Осетии, жителей которой во все времена называли «кударцами». Однако надемся, что даже в наше смутное время, когда невежество господствует над просвещенностью, грузины не станут в ущерб собственным историческим племенным наименованиям «отбирать» у осетин кударцев, на территории которых представлены все исторические эпохи Южной Осетии.

Период перехода от бронзового к железному веку совпал с формированием крупного союза скифских племен индоевропейской расы. Не стоит видеть этнических различий между скифами и кобанцами. В последнюю четверть века нашим Институтом истории и археологии накоплена бесценная коллекция археологических предметов (более 200 тыс. единиц хранения), позволившая по-новому представить многие проблемы истории народов Кавказа. В частности, полученные нами данные не оставляют сомнения в том, что носителей Кобанской культуры и иранцев-скифов следует рассматривать в их племенном этническом единстве. Об этом историческом факте свидетельствует хорошо прослеживаемая трансформация кобанской культурной традиции в скифском мире и дальнейшее развитие этой традиции. О распространности индоевропейцев-скифов, к которым восходили овсы (осетины) на территориях, позже ставших традиционно грузинскими, свидетельствовал Давид Багратиони в своей «Истории Грузии». В частности, он писал, что «река Алазани приняла свое имя во время... скифов...», ибо сия река называлась прежде Абанта, но когда алазанские скифы там поселились, то называли оную Алазанью». Затрагивая вопрос о происхождении грузин и осетин, Давид Багратиони не случайно в их этногенезе находил сходство. Он так же живо описывал господство скифов в «Верхней Азии, Мидии, Иверии и Колхиде». По Давиду Багратиони, скифы явились освободителями Иверии от персидского царя Дария. Процесс культурной преемственности между индоевропейскими племенами наблюдается и в сарматскую эпоху; сарматы были привержены достижениям своих предшественников, что также подчеркивало их этническую идентичность с кобанцами и скифами. В этом отношении среди наших археологических коллекций – полный набор конской сбруи сарматского времени, уникальные украшения которой, выполненные из золота и серебра, воспроизводят звериный стиль кобанцев. На территории Южной Осетии широко представлена не только Кобанская культура, но и последующие археологические эпохи, связанные с этническим господством индоевропейцев в Закавказье. Грузинская академическая наука достигла достаточно высокого уровня. В отличие от политико-экстремистской литературы она, естественно, не ставит вопроса о том, кто раньше или кто позже занимал территорию современной Грузии. Представителям академической науки хорошо известно о господстве в древности в Закавказье скифского мира, из которого происходят осетины, в том числе южные. В связи с этим следует упомянуть работы лауреата Ленинской премии Г.А. Меликишвили (К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959) и М.С. Пирцхалавы (Памятники скифской архаики VII-VI в. до н. э. на территории древней Грузии. Тбилиси, 1972). Для ученых этого уровня азбучной истиной является не только отнесение иранского этнического мира к наиболее раннему периоду древней истории Закавказья, но и присутствие в регионе двух совершенно разных культурно-исторических пластов – индоевропейского (осетинского) и ибероколхского (грузинского).

Впрочем, задолго до становления профессиональной исторической науки хорошо было известно в Грузии и России о происхождении осетин в Закавказье. Так, в 1865 году для офи-

циальных властей Тифлиса был составлен «Краткий исторический обзор Горийского уезда», куда в XIX веке входила большая часть современной Южной Осетии. В нем население уезда делилось на две группы – на «коренных» и «пришельцев». К первым, коренным, были отнесены грузины, осетины и «армяно-григориане». В том же обзоре было подчеркнуто, что осетины, как наиболее древние поселенцы Закавказья, ранее входили в Мидийское ираноязычное царство, образовавшееся в северо-западных областях Иранского нагорья. Неизвестный автор исторического обзора, ссылаясь на древнегреческого историка Диодора Сицилийского (90–21 гг. до н. э.), указывал, что «осы, или осетины», жившие «к востоку от Армении и Персидского залива», «происходят от мидян-иранцев» и поселились на территории собственно Закавказья, и в частности Южной Осетии, «за V веков до Рождества Христова».

К IV веку до н. э., ко временам Александра Македонского, грузинские хроники, созданные значительно позже, относят начало военно-политического сотрудничества между древней Осетией и Грузией. Осетины, точнее их скифо-сарматские предки, принимали участие в организации крупного осетино-грузинского племенного союза, имевшего уже ранние формы государственности. Он был создан на территории современной Восточной Грузии и Южной Осетии под названием «Иберия»; Страбон подчеркивал, что большинство жителей Иберии имело скифо-сарматское происхождение. «Иберийское царство» в современной грузинской литературе рассматривается как грузинское, хотя возглавлялось оно, как правило, представителями скифо-сарматской знати. По сведениям Давида Багратиони, приведенным им в «Истории Грузии», скифы в IV веке до нашей эры «овладели Верхнею Азиею, Мидиею, Ибериею и Колхидою и в течении двадцать осьми лет господствовали в оных странах». Из скифской среды происходил Фарнаваз – основатель Иберийского «государства». По сообщению Леонтия Мровели, Фарнаваз объединился с «Куджи и сказал: Будем братьями... будем врагами Эристову Азону, и судьба даст нам славную победу». В очерке «Даут-Сослан» Сека Гадиев уточнил, что «Куджи», «Кудзи», был «иры падзах», т. е. царь осетин, за которого Фарнаваз выдал свою сестру замуж. Леонтий Мровели в своей хронике писал, что «Куджи», по-осетински «Кудзи», «обратился... к осетинам, и собирались все они» и благодаря этому Фарнаваз победил Азона, которого, по мысли Сека Гадиева, ранее во главе грузин поставил Александр Македонский. Сын Фарнаваза – Саурмаг, наследовавший «царский трон» своего отца, также опирался на осетинскую часть населения Иберии; грузинские хроники свидетельствуют: когда Саурмаг был отлучен грузинами от престола, он «бежал к оссам», т. е. осетинам, с помощью которых ему удалось вернуть трон отца. Лишь много позже, в III веке н. э., заметно ослабло господство оссов и в Иберии возобладали грузинские политические силы. Они привели к власти Мирвана, принадлежавшего по происхождению к одной из господствовавших в Персии династий. Его принято считать первым «грузинским царем». Однако разобщенность племен, относившихся к колхскому этническому миру, не позволила им ни в Иберийском царстве, ни значительно позже добиться сколько-нибудь устойчивого военно-политического союза. Нередко племена, пришедшие в Закавказье из Малой Азии и ставшие позже основой формирования грузинской народности, возглавлялись соседними правителями или же представителями местной автохтонной знати.

Известно, например, что перед тем, как Вахтанг Горгасал пришел к власти, Иберия находилась под властью оссов – осетин. По описанию Мровели Леонтия, юный Вахтанг, выступая «перед всеми вельможами Картли», заявлял: «И не вмоготу мне более насмешки овсов (осетин. – М. Б.), но в надежде и уповании на бога и единосущную троицу беспредельную и предваряемые крестом пречистым, данным знаменем и оружием уповающим на него, отомстим овсам. Будь эти беды навязаны нам царем Персии или царем Греции, мы бы их претерпели. Но тяготит нас поругание овсов, и лучше нам умереть, нежели терпеть». В последних словах Вахтанга видно, что речь идет не о сражении, проигранном грузинами, а о господстве осетин в Иберии. Впрочем, этот факт подтверждается также в «Ответе» спаспета Джуаншера Вахтангу

Горгасалу: «С той поры, – говорится в нем, – как попрали нас овсы, мы вот уже пять лет пребываем в великой печали». В описании похода Вахтанга в Осетию Мровели Леонтий сообщает, что грузинский царь «отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру» и просил его участия в походе. «Тот же с радостью отвечал, ибо страна его была полонена овсами». Остается добавить, что речь идет о господстве в Иберии закавказских осетин; северокавказские аланы-осетины из-за разделенности их с Иберией Главным Кавказским хребтом не могли бы столь длительное время удерживать свое господство. Собственно само сражение между Вахтангом Горгасалом и «овсом Бакатаром», т. е. Ос-Бакатаром, считающимся родоначальником осетин, произошло в Южной Осетии – там, где «с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Овсетская». После военных успехов картлийского царя Вахтанга I Горгасала во второй половине V века н. э. в начале VI века территория современной Грузии стала персидской провинцией. В 60-е годы VI века здесь возобладало господство Византии. И. Бларамберг, автор первой половины XIX века, основываясь на грузинских хрониках, писал о том, как «около 570 года Юстиниан I, император Византии, возвел на грузинский трон Стефана, а одного осетина по имени Ростов (Рустам из рода Сидамоновых. – М. Б.) назначил кснис-эристами, т. е. управителем местности, называемой Ксани и Грузия»; Рустаму «была дана особая печать и почетное платье». Вплоть до XI века территория современной Грузии находилась под властью Византии, Персии и арабских завоевателей. Созданная в XI веке государственность своего расцвета достигла при царице Тамаре (конец XII – начало XIII в.). Государство царицы Тамары грузинские историки, как правило, рассматривают вне контекста участия осетин в его расширении и укреплении. К числу тех редких авторов, кто упомянул второго мужа царицы – осетина Давида-Сослана, был Давид Багратиони, превосходно знавший генеалогию династии Багратионов. Между тем грузинские хроники и осетинские предания эту тему отразили особо. На их основе наиболее полно происхождение царицы Тамары, роль ее мужа Давида-Сослана в становлении грузинской феодальной государственности осветил Сека Гадиев – классик осетинской литературы, великолепно владевший историческим материалом. По его данным, мать царицы Тамары была дочерью осетинского феодала (алдара) Кудена (Хъудены чызг) Бурдухан, популярной «во всей Грузии». Осетинский писатель, сообщая об этом, опирался на «Историю и восхваление венценосцев» неизвестного грузинского автора, в которых содержались сведения о том, что царь Георгий, отец Тамары, привел «в жены дочь царя Худина» (по Сека Гадиеву – «Кудена»). В грузинской хронике Бурдухан описывается как «солнцем над солнцем по красоте». Другой историк царицы Тамары – Басил Эзосмодзгвари (XIII век) фактически повторяет характеристику Бурдухан: «...дочь осетинского царя, которая превзошла доброту других женщин во всем, и не только тем, что она была матерью Тамары, но и тем, что подобной ей невесты не видело грузинское общество». Согласно грузинским хроникам, когда царица Тамара рассталась с первым мужем, стал решаться вопрос о ее новом замужестве. В связи с этим «приехали осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Надеясь на свое молодчество, они просили и молили Бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить внимание царицы и добиться высочайшего счастья». Хроника сообщает также, что руки царицы Тамары добивались «витязи – сыны властителей греческих, римских, султанских, скифских, персидских и осских». Но «намерения их остались тщетными», царица обратила свое внимание на Давида-Сослана – «витязя из сынов Ефрема, то есть оссов (осетин. – М. Б.), мужей могущественных и сильных в боях». Первое, с чем столкнулся Давид-Сослан, это сопротивление части грузинской знати, пытавшейся вернуть на престол первого мужа Тамары. Вооруженный мятеж, затеянный знатью, был подавлен молодым Давидом-Сосланом с помощью в основном «кавказских горцев» – так часто называли грузинские источники осетин, в том числе южных; понятно, что Давида-Сослана, сына «осетинского царя», могли поддержать в первую очередь осетины. Воинские успехи Давида-Сослана принесли «мировую славу» царице Тамаре. Вскоре у них родился сын Георгий. По словам автора хроники, «сели на златокованом

троне Тамара, Давид и сын их Георгий». Среди правительственных вельмож, а также в войсках широко были представлены в государстве царицы Тамары осетины. Во время аудиенции, устроенной царицей и ее мужем Давидом владельцу Ширвана с делегацией, первыми их встретили «осетины и кипчаки новые», после них «геретцы и кахетинцы, затем картлийцы...» Одним из важнейших достижений царицы Тамары являлось расширение территории грузинской феодальной государственности. В этом главная роль принадлежала царю Давиду-Сослану. Грузинские хроники в один голос подчеркивают полководческий талант осетинского витязя, приносившего царице одну победу за другой. На войне, по словам авторов хроник, «царь действовал, как Ахиллес». Приведем лишь один пассаж из «жизни царицы царей Тамары» – хроники XII века, в которой главным действующим лицом является Давид-Сослан, создавший крупнейшее в Закавказье грузинское царство: «В ознаменование победы над врагом Ширван-шах и Амир-Мирман с радостными лицами сошли с коней, поклонились, благословили и восхваляли царя (Давида-Сослана. – М. Б.) и его богатырей. Как рассвело, пришли шанхорцы и поднесли ключи от города: взяв Шанхор и окрестные города и крепости, царь пожаловал их Амир-Мирману. Сам же отправился в Ганджу, близко подошел к городу; навстречу вышли высокопоставленные лица и крупные торговцы, духовенство и законоучители. Преклонив колена, они поклонились Давиду и воздали ему хвалу, со слезами на глазах они просили его и вверили ему себя и до самых дверей султанского двора расстилали ему драгоценные ткани и осыпали его золотом и серебром, драхмой и динарием. Войдя во дворец, он сел на трон султана... Чей язык в состоянии описать тогдашнее торжество и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека чести царя и султана, подчинение себе, в качестве вассала, сына Атабага Ширван-шаха». Подобное шествие царя Давида-Сослана, сына «осетинского царя», по сравнительно небольшим владениям, привело к тому, что царица Тамара стала владелицей большей части Закавказья. Сека Гадиев, описав жизнь и походы Давида-Сослана, фактически создавшего воинством самих же осетин крупное государство, сетовал, что свой талант и усилия Давид-Сослан отдал Грузии, возвысил ее над Осетией, хотя мог свою собственную родину – Осетию «поставить» если не выше, то хотя бы в один ранг с нею.

В XIII веке, после смерти Давида-Сослана и Тамары, оставивших двух сыновей и одну дочь, грузинское феодальное государство обнаружило признаки распада. Тогда же подверглось оно нашествию татаро-монголов. В условиях разоренной монголами экономики Закавказья грузинские источники средневековья впервые сообщают нам о враждебных отношениях, складывавшихся между грузинскими землями и Южной Осетией. В сочинении анонимного автора XVI века сообщается, что грузинский правитель Давид VIII и «правитель осетин Пареджан» имели тесную дружбу, вместе ходили в походы против монголов. Естественно, речь могла идти о союзнических отношениях между Закавказской частью Осетии и древним государством грузин. Тот же источник сообщает, что, несмотря на союзнические отношения между Давидом VIII и правителем Осетии, «грузины и осетины имели между собой вражду: они были натравлены друг на друга так, что кто был сильнее, убивал другого». Явно было, что политическая раздробленность, наступившая в грузинском царстве и в Осетии, а также татаро-монгольское господство привели к постоянной междоусобице.

В XV веке Грузия представляла собой три небольших княжества – Картлинское, Кахетинское и Имеретинское, каждое из которых было независимо друг от друга. Так же автономно существовали Осетия, занимавшая территорию северного и южного склонов Кавказского хребта, Абхазия, Мегрелия и Гурия. В начале XVI века грузинские княжества – Картлийское и Кахетинское вошли в состав Персидского государства, Имеретинское княжество – в состав Османской империи. С этого времени в Восточной Грузии, ставшей персидской провинцией, началось утверждение «персидской модели» феодализма, характерной особенностью которой являлась идеология восточного деспотизма.

Суть ее заключалась в установлении в грузинских феодальных княжествах, подпавших под власть персов-шиитов, кызылбашей, т. е. «красноголовых», новых форм земельных и административных отношений. В абсолютном большинстве районов Грузии, куда доходила шахская рука, отменялась система союргалья, ранее традиционная для грузинского феодализма; при этой системе, по существу европейской, феодал имел вотчину и выступал как собственник земли. При персидских Сефевидях главным собственником земли становился шах, а грузинские тавады, в том числе «цари», являлись валиями шаха, получавшими земли, владения и титулы от шаха. И титул, и владение землей имели пожизненный характер, но никак не наследственный. Эта система, собственно, становилась основой, на которой зиждилось крайне деспотическое господство персов в грузинских феодальных княжествах. В целом они меняли не только социальную систему, но и базисные духовные ценности грузинского общества, основанные на православной религии. Чтобы представить политическую картину, изменившуюся в грузинских княжествах при господстве Сефевидов, приведем описание Давида Багратиони. Шах-Аббас – один из наиболее ярких представителей сефевидского Ирана (конец XVI – начало XVII в.) «велел умертвить ядом Картлинского царя Георгия... Кахетинский царь Александр сделался жертвою тиранских насилий сего персидского владетеля. Взятый заложником сын его Константин, находясь в Персии, принял магометанский закон. Шах Аббас позволил ему возвратиться в отечество, обещав поставить его царем в Кахетии, если он убьет отца своего, царя Александра. Константин, возвратясь в Иверию, дерзнул совершить сие ужасное злодеяние. Убив своего отца и брата своего Георгия, он присвоил себе царскую власть над кахетинцами». Но Константину не дали местные «вельможи» и народ княжить – «убийца был истреблен тем мечом», которым он расправился с отцом и братом. «Вельможи и народ вручили царство Кетеване, вдовствовавшей супруге Давида». Но подобные назначения, соответствовавшие желаниям грузинских тавадов и народа, противоречили персидской системе получения титула валия. Шах Аббас пригласил Кетевану и «предложил ей принять магометанство, обещая новые выгоды». Но княжна отказалась принять ислам, и «тиран, в ярости своей, „велел“ ее „предать мучениям“. Царица Кетевана была обнаженная привязана к столбу, по частям резали ее тело...» Так поступали каждый раз шахи, если грузинские «цари-валии» не подчинялись новой, персидской системе господства и подчинения. Мы еще не раз вернемся к этой теме, здесь же укажем на другое – на то, что в советской грузинской историографии борьба грузинских княжеств с персидским господством традиционно рассматривалась в героико-романтическом духе. На самом деле в ней, в этой борьбе, прежде всего следовало видеть жестокое столкновение двух разных форм феодализма – «старой» грузинской, освященной православием, и персидской, основанной на идеологических установках шиитского толка. Несомненно, что столетиями господство кызылбашей – главным образом в Восточной и Центральной Грузии – приводило к перестройке социальной системы грузинского общества, и это, пожалуй, явилось самым тяжелым для Грузии и соседних с ней народов последствием. Грузинские хроники XVI, XVII и XVIII веков полны военно-феодальной междоусобицы, борьбы за «владения», повинности, пленных людей, скот и прочую военную добычу. Важной статьей этой междоусобицы являлось получение титула валия или моурава. Кстати, заметим, что система дарения шахом титулов во многом изменила форму административного управления. По данным Ш.А. Месхиа, Телави – центр Кахетии, входил «в управление кахетско-кизакского моурави», но «назначаемые в Телави моурави всегда назывались персидским таруга», ставшим синонимом «грузинскому моурави». Если брать по должности выше, то Георгий Саакадзе, несмотря на противостояние шаху, в грамотах Луарсабы II называется «эмиром эмиров», тем самым отдается дань новой традиции, внедренной персидскими шахами. Иначе говоря, персидская форма управления, как и в других областях общественного устройства, столь глубоко проникла в грузинскую жизнь, что феодальные княжества Грузии, входившие во владения шаха, обретали черты политической системы, господствовавшей в самой Персии. Изогранные формы

насилия и жестокости, измены, коварства, вероломности и прочие свойства деспотизма вместе с господством Персии проникали в социальное устройство грузинских княжеств. Первым варварские формы феодальной идеологии проявил Г. Саакадзе. Женатый на осетинке, дочери Нугзара Эристава, Саакадзе благодаря военной поддержке осетин возвысился как моурав, разгромил персидские вооруженные отряды, затем обрушился на осетин, своих верных союзников, и установил в Южной Осетии свое феодальное господство. Вскоре, однако, персидский шах, подавив восстание, в Картлию и Кахетию назначил своих правителей – мусульман. Тогда же Восточная и Центральная Грузия еще больше укрепились в положении вассала Персии, становясь неотъемлемой частью шахского государства: при коронации персидского шаха управитель Картли-Кахетии, присутствие которого было обязательно, должен был держать в руках «павлиннее перо» – символ зависимости от шаха. Это продолжалось вплоть до начала 80-х годов XVIII века, до заключения Георгиевского договора между Россией и Картли-Кахетинским царем Ираклием II. Что касается территории Западной Грузии, то она целиком находилась в подчинении Османской империи. Здесь проводилось насильственное отуречивание местного населения.

На протяжении двух веков в грузинских княжествах окончательно сложились персидские и турецкие формы феодализма. Грузинские феодалы-тавады, как и главы княжеств, сформировались в сословие, одновременно выполнявшее функции опричников и сборщиков налогов. Вассальное положение нового тавадского сословия было столь жестким, что оно было вынуждено целиком заимствовать деспотические нравы, господствовавшие при дворах персидского шаха и турецкого султана. Чтобы представить положение, создавшееся в Грузии, достаточно напомнить о следующих трагических для грузинского народа событиях. В 1795 году персидский шах Ага-Мухаммед-хан, недовольный тем, что Ираклий II не явился на его коронацию и тем выразил свою независимость, подвел войска к Тифлису. Сюда, в Тифлис, шахские войска пригоняли мирное население, которое специальные отряды подвергали геноциду. Так, за несколько дней было уничтожено более 80 тысяч грузин. В Тифлисе к мосту через Куру был выставлен образ Святой Марии. Сюда согнали более трех тысяч мужчин. Обнажив их, шах приказал каждому подходить к образу Святой Марии и имитировать половой акт. Отказывавшихся выполнить волю шаха с отрубленной головой бросали в реку. Массы грузинского населения покидали Грузию. Беженцев вылавливали и тут же с ними расправлялись. Во всем этом вместе с персидскими отрядами участвовали также многие грузинские тавады, демонстрировавшие свою покорность шаху. Грузинская катастрофа 1795 года была столь значительной, что становилось невозможным похоронить погибших – не хватило лопат. В Ананурском монастыре, в полуразрушенной келье, где Ираклий II сидел лицом к стене, чтобы не показывать подданным свой лик, грузинский царь, сравнивая народ со стадом баранов, уничтожаемым стаями голодных волков, писал письма Екатерине II и просил о спасении единой Грузии. Три отряда российских войск (отряды генералов Бурнашева, Гудовича, Сухотнева), находившиеся на Кавказе, и осетинский отряд из 500 воинов пришли на помощь Грузии. В Петербурге было решено срочно снарядить десяти тысячное войско и во главе с В. Зубовым направить в разрушенный Тифлис. Ага-Мухаммед-хан отступил, захватив с собой десятки тысяч отрубленных голов. Ими он собирался возвести «шатер», не хватало ему, однако, головы Ираклия II, которой шах был намерен увенчать свой шатер...

Столь редкая форма ксенофобии, господствовавшая в Персии и обрушившаяся на Грузию, на протяжении трехсотлетнего шахского ига захватила феодальную знать Картли-Кахетинского царства. Грузинские тавады, а вместе с ними и царский двор придерживались ксенофобии как идеологической системы. Особенностью ее являлись крайние виды человеконенавистнической психологии, жестокостей, насилия и воинствующей дискриминации «инородцев». В Восточной Грузии, и нигде больше на Кавказе, общественное сознание вполне воспринимало примитивный расизм как нечто естественное. Грузинский царевич в 1782 году

издал свод законов, запрещавших бракосочетание между осетинами и грузинами. В нем предписывалось: «если какой-либо христианин выдаст дочь за осетина и сроднится с ним – посчитаем это как вероломство и крепко взыщем». Грузинский феодализм, обильно одобренный идеологией шахского деспотизма, был ориентирован на экспансию и установление режима, приводившего к геноциду. Отдельные села Южной Осетии, расположенные на равнине и соседствовавшие с грузинскими владениями моуравов, нередко становились жертвой подобной экспансии; грузинские хроники XVI, XVII, XVIII веков изобилуют сведениями о походах в южные районы Осетии с целью сбора дани и захвата людей. Что же до жестокостей и насилия, то грузинские моурави, подвластные шаху и лиходейской жадности, сочетавшейся с холопской злостью, превосходили своих персидских учителей. У Сека Гадиева, классика осетинской литературы, превосходно знавшего осетино-грузинские отношения, в одном из рассказов повествуется о том, как грузинский моурав, вероломно овладев осетинскими селами Кудского ущелья, установил тиранию: «моурава боялись не только люди, но, – как писал Сека Гадиев, – и горы, и звери». В рассказе писателя передана трагедия мужа и жены: они долго ждали рождения ребенка, но когда он у них появился, моурав заставил женщину кормить грудью щенка своей собаки. Недовольный тем, что щенок похудел, моурав выхватил ребенка, несколько раз ударил им женщину и умертвил ребенка; точно так же поступали персы с детьми грузинских крестьян. Специальные отряды Ага-Мухаммед-хана с вечера точили сабли, а утром входили в Тифлис и грузинские села и начинали с того, что проверяли на детях остроту своих сабель – если воин разом разрубал ребенка, то считал, что наточил свое оружие «как надо». Похоронив единственного ребенка, женщина, героиня Сека Гадиева, продолжала кормить грудью щенка. Однажды повзрослевший щенок укусил женщину в грудь. Заражение крови стало причиной ее смерти. Берды, ее муж, потеряв семью, обнищал от поминок. Пережитое насилие свело его с ума. Ему стало казаться, что за ним постоянно гонится озверевший грузинский моурав. Вскоре не стало и Берды. В рассказе Сека Гадиева, как и в других произведениях писателя, немало говорится об упорной борьбе Южной Осетии с грузинским варварским феодализмом. В 1791 году Ираклий II вынужден был признать, что с жителей Южной Осетии «нельзя было брать ни саупросо, ни сауплискуло», т. е. повинностей, поскольку они считали себя свободными. На протяжении всего XVIII века Южная Осетия систематически подвергалась вооруженным вторжениям со стороны Картли-Кахетии и Имеретии, приводившим ее к опустошению. Сжигая села, отнимая имущество, скот, захватывая людей в плен, одни из которых направлялись как «живой товар» в Персию и Турцию, другим выкалывали глаза и отпускали «на волю», грузинские моурави добивались распространения персидского и турецкого господства в Южной Осетии. Грузинская феодальная экспансия особенно усилилась при Ираклии II, который вынашивал планы расширения своего влияния в Закавказье, в особенности среди горцев Большого Кавказа, и с помощью последних думал освободить Грузию от персидского и турецкого ига. На последнюю четверть XVIII века приходится один из самых сложных периодов осетино-грузинских отношений. В этот период Ираклий II, получив серьезную военную поддержку со стороны России, взял курс на централизацию своей власти. Он также вынашивал идею объединения народов Закавказья и Большого Кавказа, чтобы противостоять Персии и Турции. Однако решения первой задачи – укрепления своей власти – Ираклий II добивался за счет ослабления грузинской знати, стремившейся к политическому сепаратизму. Агрессивные действия он вел и в отношении Южной Осетии. Лишив сначала владетелей Мачабеловых, а затем и Эристовых феодальных прав, Картли-Кахетинский царь с помощью карательных мер пытался установить в Южной Осетии свое безраздельное господство. Что касается второй задачи – освобождения Грузии от иноземного ига, то Ираклий II, подорвав свое влияние среди собственной феодальной знати, был обречен на серьезную неудачу. Феодальная оппозиция оказалась в лагере Ага-Мухаммед-хана, объявившего геноцид грузинскому народу. Несмотря на все усилия, Ираклию II, до этого очень популярному в Грузии, не удалось в судьбоносный для народа момент собрать

войско и защитить страну от опасности, грозившей ей полным исчезновением: Восточная Грузия выставила ополчение в тысячу воинов, столько же дала Имеретия. Этих сил против 35-тысячной армии (по некоторым данным, шах располагал 70-тысячной армадой) было безнадежно мало. Обращения Ираклия II к соседним народам о военной помощи не нашли отклика. Одна лишь Осетия, несмотря на насилия, жестокости и феодальную экспансию грузинских тавадов, снарядила вооруженный отряд численностью в 500 воинов. Поводов для такого жеста у осетин явно не было. У Осетии было немало своих внешних опасностей и тяжелых военных невзгод, но никогда Грузия не проявляла готовности защитить соседний народ. Никто еще не пытался объяснить странный феномен – не было ни одной войны, которую вела Грузия и в которой на ее стороне не участвовала бы Осетия. «Осетинам много не надо, свистни им, и они придут на защиту... Так было всегда... Кости их разбросаны и стонут на полях сражений», – с грустью и не без укора писал об этом Сека Гадиев.

В 1795 году Грузия нуждалась в спасении от физического уничтожения, к которому в том году приступил Ага-Мухаммед-хан. Истребление грузинского населения, подвластного персидскому шаху, становилось реальным. Феодально раздробленная страна была поставлена на колени. Тавадская знать, многие из которой приняли персидские имена, спасая себя, предала собственную страну и вместе с шахом участвовала в геноциде грузинского народа. Всеобщее предательство не обошло стороной и царский двор. За спиной Ираклия II, пытавшегося оказать сопротивление войскам Ага-Мухаммед-хана, его супруга и сын вынашивали планы о насильственном устранении царя, чтобы с помощью шаха взойти на престол. На помощь пришли российские войска. Шах отступил, оставив разрушенный Тифлис, сожженные села и десятки тысяч жертв. Ираклий II, как и грузинский народ, видел, какая угроза нависла над Грузией, – отступление Ага-Мухаммед-хана было вынужденным, в Грузии это хорошо понимал каждый. Единственным выходом из создавшегося положения являлось присоединение к России. Вопрос о присоединении к России Ираклий II периодически выдвигал и раньше. Но после того как Ага-Мухаммед-хан обнажил свои планы в отношении Грузии, Ираклий II готов был даже ценой ликвидации своего трона присоединить к России Картли-Кახетинское царство, которому в первую очередь угрожал персидский шах. В 1796 году, однако, не стало Екатерины II, энергично поддерживавшей Ираклия II. Сменивший ее Павел I под влиянием петербургских англоманов не стал проявлять особого интереса к Кавказу. Новый император отозвал российские войска из Грузии, предоставив Ираклию II самому решать проблемы грузино-персидского противостояния. Seriously изменившейся политической обстановкой поспешил воспользоваться Ага-Мухаммед-хан. В 1797 году он вновь с крупными военными силами подступил к Тифлису. От нового геноцида Восточную Грузию спасла случайность – нукеры расправились с патологически жестоким шахом. Неожиданная смерть Ага-Мухаммед-хана, настойчиво проводившего идею геноцида в Грузии, не снимала общей угрозы, нависшей над грузинскими районами, входившими в состав Персии. Пришедший ему на смену Фетх-Али-шах (Баба-хан), племянник Ага-Мухаммед-хана, не уступал в жестокостях своему дяде. Но главное было в другом – новый шах готов был не только расправиться с Грузией, ориентированной на Россию, но и вытеснить из Закавказья Османскую империю, чтобы установить свое господство во всем регионе. Положение Картли-Кახетинского княжества осложнялось еще одним обстоятельством – смертью в 1798 году Ираклия II. Разыгравшаяся в связи с этим внутриворцовая борьба фактически парализовала политическую жизнь страны, не успевшей оправиться от кровавой тризны Ага-Мухаммед-хана.

От «Гурджистанского валийства» – к созданию страны «Грузии»

Ираклий II завещал престол Георгию – сыну от первой жены, несмотря на то что сын был тяжело болен – страдал патологическим чревоугодием. Но для царя важнее была приверженность Георгия к его политическим позициям – в первую очередь ориентации на присоединение к России. Вдова Ираклия II, вторая жена царя, и ее сыновья, претендуя на власть, были сторонниками сохранения Картли-Кахетии в составе Персидского государства. Только внешне мог выглядеть банальным политический раскол, происшедший в семье Ираклия II. На самом деле он рельефно отражал наличие в Восточной Грузии двух идеологий – тавадской, по своему социальному существу устойчиво сложившейся на жестких принципах восточного деспотизма, и «христианско-гуманистической», признававшей строгую систему господства и подчинения, но придерживавшейся религиозного принципа «не убий». Ираклий II, ведший острую борьбу с выращенной персидским двором тавадской грузинской верхушкой, отражал идеологию православной церкви, видя в ней одно из средств освобождения страны. На ней же основывалась его российская политическая ориентация. Борьба двух идеологий после смерти Ираклия II приняла широкие масштабы. Георгий XII лишь формально олицетворял царскую власть. Но и этого было достаточно, чтобы его положительный образ вошел в историю Грузии. Он был настойчив в присоединении ослабленного княжества к России, подготовил проект такого присоединения и отправил в Петербург свою депутацию. Павел I подписал договор о вхождении Картли-Кахетинского царства в Россию. Но Георгий XII, не дождавшись возвращения своих посланников, в 1800 году скоропостижно умер. Смерть фактически последнего представителя Багратидов, возглавлявшего сравнительно небольшое феодальное образование в Закавказье, и политический хаос, наступивший в крае, окончательно привели страну к экономической и социальной деградации. По оценке известного в XIX веке грузинского поэта и общественного деятеля А.Г. Чавчавадзе, «Грузия тогда была подобно изнуренному больному, который едва в силах объяснить слабость своего состояния». В этот период особенно острым становилось противостояние двух политических группировок, определившихся еще при Ираклии II. Одну из них возглавлял царевич Давид, сын Георгия XII, считавшийся наиболее законным наследником престола, другую – царевич Юлон, сводный брат умершего царя. Преимущество царевича Давида, ориентировавшегося на Россию, заключалось в формальной стороне – у него, казалось, было больше прав на престол, однако он не имел реальной социальной опоры. Царевич Юлон имел поддержку как со стороны феодальной знати, так и Тегерана, рассматривавшего его как законного назначенца шахского правительства. Следует напомнить об одном очень важном для персидского шаха обстоятельстве: выход Восточной Грузии из правовой сферы (юрисдикции) Персии делал нелегитимным занятие кем бы то ни было шахского престола, поскольку – согласно закону – при отсутствии хотя бы одного вассала на коронации наследник шаха оставался ханом, но не мог стать полноправным шахом. По этой причине, как в свое время для Ага-Мухаммед-хана, так и для Фетх-Али-хана, исполнявшего обязанности шаха с 1798 года, борьба за Восточную Грузию являлась одновременно отстаиванием законности шахского титула. Этим во многом объяснялась та высокая активность Фетх-Али-хана в Грузии, с которой он противостоял России в Закавказье. Подписанный Павлом I проект о присоединении Картли-Кахетинского княжества, сохранявшего в нем царя – вассала персидского шаха, и отсутствие международных правовых актов, которые бы отменяли исторически сложившийся в Восточной Грузии сюзеренитет Персии, создавали для грузинского княжества уникальное политико-правовое положение. В Петербурге хорошо понимали, сколь нелегитимен был договор о присоединении Восточной Грузии к России, заключенный между Павлом I и Георгием XII. Распавшаяся семья Ираклия II в своем большинстве, так же как

тавады, не признавала права царевича Давида на престол. Как наиболее «законные» в сложившейся ситуации рассматривались требования персидского шаха, ставившего вопрос о территориальной принадлежности Восточной Грузии Персидскому государству. Столь высокая степень политико-правовой неопределенности, в которой на грани двух веков оказалось Картли-Кахетинское княжество – историческое ядро Грузии, явно лишала страну видимых исторических перспектив. Собственно о них, исторических перспективах, не очень заботились ни княжеский двор, ни феодальная знать. Разыгравшаяся в семье Багратидов свара, эгоцентризм тавадов, смешанный с особым рода национальной фанаберией, оставались главными причинами политического хаоса, в котором находилось Картли-Кахетинское княжество. Что касается Петербурга и Тегерана, то Георгиевским трактатом 1783 года и договором, состоявшимся между Павлом I и Георгием XII, Россия настолько далеко зашла в грузинском вопросе, что отступление в любом его виде было бы похоже на то, что Картли-Кахетинское княжество – кость, брошенная разъяренной Персии. Стоит подчеркнуть и другое. На фоне крупных внутренних и европейских проблем, стоявших перед Россией в начале XIX века, вопрос о судьбе грузинского княжества никак не мог относиться к сколько-нибудь значимым для Петербурга. Несмотря на это, Александр I свою государственную деятельность начинал с разрешения грузинской проблемы. При этом император, учитывая опасность, нависшую над Восточной Грузией, исходил из необходимости защиты прежде всего православия, являвшегося духовной основой российской государственности. В действиях Александра I, связанных с кардинальным решением грузинского вопроса, не было ни спешки, ни политической суеты, тем более «лицемерия», о котором иногда пишут грузинские историки. В основу решения проблемы присоединения Грузии к России был положен все тот же манифест, составленный Георгием XII и Павлом I. Главным, однако, был вопрос о судьбе царского престола в Картли-Кахетии, подвергавшийся тщательному обсуждению. Александр I передал его на рассмотрение Непременного Совета, на котором после первого обсуждения была создана Комиссия во главе с генералом К.Ф. Кноррингом. Детально ознакомившись на месте с положением, создавшимся в Восточной Грузии, Комиссия представила Непременному Совету доклад о Грузии. Такой же доклад был получен императором. На его основе состоялось второе обсуждение грузинского вопроса на Непременном Совете, на котором был сделан вывод о том, что Грузии угрожают не только геноцид со стороны Персии и междоусобицы тавадской знати, но и царский дом, охваченный династическими распрями. Но была еще одна важная политическая ситуация, влиявшая на решение судьбы царского престола, – это персидский сюзеренитет, к которому тесно был привязан Картли-Кахетинский царь. Сохранение царского дома, в котором наметился перевес сторонников проперсидской ориентации, значительно повышало правомерность притязаний Персии в Восточной Грузии. Правовое и фактическое присутствие Персии в Картли-Кахетинском княжестве ставило перед Россией вопрос не только о ликвидации царского престола, но и принципиально новом решении грузинской проблемы. Оно требовало от России объявления Восточной Грузии неотъемлемой частью Российской империи, и только это предоставляло ей право на вооруженную защиту народа, которому Персия угрожала физическим уничтожением. В том, собственно, и заключалась необычность присоединения Картли-Кахетинского княжества, что Россия, объявляя Восточную Грузию своей государственной территорией и вводя на ней губернскую администрацию, брала на себя в отношении этой территории особые обязательства. К числу таких обязательств следовало отнести содействие России в восстановлении «древних границ» Грузии. Сложность, однако, заключалась в том, что никто толком не мог указать на эти границы и тем более на правовое положение, согласно которому бы происходило возвращение «грузинских территорий». Естественно, обеими сторонами условие о восстановлении «древних границ», записанное еще в проекте «Манифеста» Георгия XII, понималось как предоставление России права на объединение средствами войны всех бывших Картвельских земель, присоединяя таким образом к Картли-Кахетинскому княжеству не только ранее

потерянные им территории, но и весьма спорные. По существу, обязательством о восстановлении «древних границ» Россия брала на себя обязанность из одного грузинского княжества – Картли-Кахетинского создать новую на Кавказе страну под названием «Грузия». В своей политике в Закавказье Петербург твердо придерживался четкого выполнения своих обещаний.

Манифест о присоединении Картли-Кахетии к России, подписанный Александром I, вызвал в Грузии всеобщее ликование, поскольку, по словам И.Г. Чавчавадзе, выдающегося общественного деятеля и писателя, «наступало новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии». Однако о вечных ценностях – безопасности народа, создании единой страны, сохранении своей духовной культуры, о которых писал И.Г. Чавчавадзе, меньше всего думали тавады и сонм грузинских престолонаследников, с молоком матери впитавших варварские формы персидской мизантропии. Кровавый геноцид Ага-Мухаммед-хана и угроза физического уничтожения грузин Фетх-Али-ханом здесь рассматривались как рядовые события. Во главу угла – в числе принципов шахской мизантропической идеологии – наряду с жесткой системой деспотизма грузинская знать ставила власть и собственность. В Петербурге достаточно полно были осведомлены об особом пристрастии грузинской знати к лихоимству, и не случайно в Манифесте о присоединении Грузии к России подчеркивалось, что «все подати с земли вашей» будут направлены в пользу самой Грузии, «каждый пребудет при преимуществах состояния своего... при собственности своей неприкосновенно», «царевичи сохраняют уделы свои...» Но российское правительство, гарантировавшее грузинской знати феодальную собственность и привилегии, одновременно лишало ее традиционной для нее идеологии восточного деспотизма, в которой ненависть к зависимому человеку, насилие и жестокости над ним рассматривались как естественные средства усиления своей власти и увеличения собственности. Тавадов и царевичей не устраивал последний абзац российского Манифеста о присоединении Грузии, суть которого заключалась в следующем: «Наконец, да познаете и вы (грузины. – М. Б.) цену доброго правления, да водворится между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так и имущественная, да пресекутся самоуправство и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделии, под сенью законов всех, равно покровительствующих». К такому уровню государственной жизни, предлагавшемуся Петербургом, Грузия явно не была подготовлена. Поиски привычных форм политического быта, исторически сложившегося здесь благодаря иноземному господству, привели большую часть тавадов и царевичей к шахскому двору. Царевичи Юлон, Александр, Парнаоз и грузинская аристократия укрылись под сенью Фетх-Али-хана. Отторжение российского императора, спасавшего грузин от «конечной гибели» и обещавшего «доброе управление», и появление представителей грузинской знати при дворе шаха, публично сулившего грузинскому народу физическое уничтожение, не было ни парадоксом, ни феноменом, вызванными экстраординарными историческими обстоятельствами. Это было проявлением всего-навсего повседневной данности, в которой все измерялось количеством собственности, и господствовавшей идеологической системы, ничего общего не имевшей с нравственностью христианского православия. Заняв Тифлис, Петербург столкнулся, с одной стороны, с ликованием народа, салютовавшего присоединению к России, с другой – с воинствующей оппозицией, требовавшей денонсации всех договоров между Россией и Грузией и угрожавшей огромной империи войной. В складывавшейся сложной обстановке, похожей больше на необычный политический маскарад, Россия начинала в Грузии совершать самые крупные и непоправимые ошибки, когда-либо отмеченные в ее политике на Кавказе. Одна из них – объявление Тифлиса не только губернским центром, но фактически главным городом всего Кавказа. Тем самым российская администрация, как военная, так и гражданская, вынужденная заигрывать с бывшими вассалами Персии, становилась доступной для местной знати, а иногда и управляемой ею. Не случайно среди первых были решения об отмене введенных в свое время Ирак-

лием II ограничений феодальных прав тавадов. Губернские власти в Тифлисе образовали так называемое Верховное грузинское правительство, состоявшее главным образом из представителей свергнутой царской семьи и тавадов, придерживавшихся российской политической ориентации. Оно занималось в основном расширением феодальных привилегий знати, распределением земельной собственности и установлением новой феодальной податной системы. Решения Грузинского правительства рассматривались губернатором и, как правило, им утверждались. Благодаря присоединению Восточной Грузии к России местная феодальная знать получила мощную государственную поддержку, с помощью которой не только подчиняла себе новые массы населения, но и стремилась к территориальному расширению своего господства. Основным направлением феодальной экспансии явилась Осетия, в особенности ее южные районы, сопредельные с Грузией. Начало вооруженному вторжению в Южную Осетию с целью установления в ней феодального господства было положено Верховным грузинским правительством, состоявшим исключительно из представителей знати. В 1802 году оно обвинило осетин в разбойных нападениях на грузинские села и потребовало от российских властей в Тифлисе карательных мер в отношении Южной Осетии. Положение последней осложнялось тем, что в тот момент по Южной Осетии, протестовавшей в связи с восстановлением в некоторых ее селах феодальных прав грузинских князей Эристави и Мачабели, разъезжал царевич Юлон, сын Ираклия II, клеветет персидского шаха, и призывал местное население к войне против России. Об этом доносил российскому командованию генерал-майор Лазарев, хорошо знавший о политической деятельности царевича Юлона и о неповиновении южных осетин грузинским князьям. Зимой 1802 года подполковник Симонович с воинским отрядом вступил в Южную Осетию и достиг центральных районов осетинских обществ. Появление значительного вооруженного отряда российских войск, ставившего перед собой карательные задачи, не вызвало в Осетии военного конфликта. Позже, вспоминая об этой экспедиции, граф И.Ф. Паскевич отмечал, что русских солдат осетины встречали как своих избавителей, но, по оценке графа, «когда осетины увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков», «привязанность их к русским заметно уменьшилась».

Мирным исходом карательной экспедиции Симоновича в Осетии остались недовольны грузинские тавады. Тот же генерал Лазарев сообщал своему командованию, что «из князей и дворян здешних (грузинских. – М. Б.) осталось усердствующими России самая малая часть». Летом 1802 года грузинские тавады объединились в политическую фронду. Они провозгласили своим царем Юлона, тесно связанного с персидским шахом. Одновременно присягнули Александру I, которому отводилась роль верховного сюзерена. 69 тавадов обратились к императору с просьбой о сохранении в Грузии царя из дома Багратидов. Грузинская знать, фрондировавшая с Россией, хорошо понимала, что восстановление грузинского царского престола и избрание на него царевича Юлона – это не что иное, как признание за Персией ее права на владение Восточной Грузией. Не исключено, что грузинские тавады, приносившие интересы своей страны в жертву собственным утилитарным выгодам, действовали вместе с Юлоном во взаимодействии с шахским правительством. Во всяком случае, как только царевич Юлон был избран правителем Грузии, его первым поздравил Фетх-Али-хан, подчеркнувший при этом, что Грузия «есть часть самодержавного иранского владетеля владений». Что же до присяги по поводу признания Александра I «верховным сюзереном» Грузии, то в череде политических акций это являлось всего лишь формальностью, к которой прибегли тавады; они же направили в Восточную Осетию, по которой пролегает Военно-Грузинская дорога, царевича Вахтанга, чтобы с помощью осетин перекрыть единственную коммуникацию, связывавшую Россию с Грузией. Другие царевичи – Юлон, Парнаоз и Александр и с ними многие грузинские князья пытались в Южной Осетии спровоцировать местное население к антироссийским выступлениям.

В условиях, когда абсолютное большинство политической элиты Грузии настаивало на возвращении своей страны в лоно персидского государства, самым выгодным для Петербурга

решением, несомненно, могло бы явиться дезавуирование манифеста 1801 года о присоединении Грузии к России и отстранение до лучших времен от грузинской проблемы. Было слишком очевидно, что российская политика, основанная на идее спасения единой Грузии, кроме международных осложнений и тяжелых затяжных войн, никаких иных результатов для Петербурга иметь не будет. Ясно было и другое: несмотря на принадлежность России и Грузии к одной и той же религиозной конфессии, в грузинском феодальном обществе господствовавшей идеологией являлся восточный деспотизм. Он представлял собой не только следствие длительного процесса формирования восточногрузинского общества в составе шахской Персии, но и одинаковой с Персией социальной организации феодализма; как и в Персии, в Грузии сохранялся общинный быт, при котором феодальная собственность на землю создавалась не благодаря внутреннему социальному генезису, а посредством наделения отдельной семьи, рода во временное пользование земель. Подобная модель феодализма порождала тиранию – как глубоко консервативную форму государственности и идеологических установок. В довольно короткое время, какое Грузия находилась в составе России, обнаружилось несходство грузинского общества с православно-духовным миром России и набирала силу ностальгическая тяга тавадов к идеологическим ценностям, присущим восточному деспотизму.

Лихоимствующая знать, слишком занятая повседневностью, обычно обладает короткой памятью. Ее заботит собственное будущее, и она отстраняется от народа и судьбы своей страны. Многочисленная семья Багратинов и грузинские тавады за короткое время успели забыть, как Ага-Мухаммед-хан устроил в Грузии кровавую расправу – то, как на мосту через Куру отсекали головы обнаженных грузин... Их не пугали и новые угрозы персидского шаха Фетх-Али-хана. Летом 1802 года, после ареста российскими властями царевича Вахтанга, 40 грузинских тавадов во главе с царевичем Александром и Теймуразом бежали в Персию, чтобы начать тотальную войну с «единой» Россией.

Подъем «импортной» модели грузинского феодализма: экспансия в Осетии

В Петербурге справедливо считали, что причиной столь жесткой оппозиции в отношении России являлось стремление тавадов к расширению феодальной собственности и сохранению правового произвола, позволявшего вводить неограниченные формы угнетения крестьянских масс. В тени оставалась непонятная для российских властей, но важная особенность грузинских князей, на протяжении трех веков находившихся на положении вассалов; последние ожидали, что Россия, как в свое время персидский шах, будет щедро им раздавать земли и наделять их деспотической властью. Не зная всех тонкостей грузинского феодализма, российские власти, желая максимально удовлетворить притязания знати и тем самым снизить в Грузии политический накал, решили передать вопросы о земле, крестьянах и повинностях на рассмотрение Верховного грузинского правительства. Последнее фактически восстановило практику наделения феодалов землей, существовавшую при персидском шахе, – практику, с которой пытался покончить Ираклий II. Раздача владений, которой занималось Верховное правительство Грузии, происходила не только на грузинской территории, но и в других районах, входивших в Тифлисскую и Кутаисскую губернии. В 1803 году решением этого правительства значительная часть Южной Осетии (около 50 сел) передавалась во владение грузинских князей Эристави. Немногим меньшая доля равнинной территории Южной Осетии закреплялась за грузинским феодальным родом Мачабеловых. С этого началось интенсивное продвижение грузинского феодализма на территорию Южной Осетии. Главным распределителем земельной собственности, а вместе с ней и осетинских сел становились грузинские власти, состоявшие из наиболее знатной части грузинских князей. Важным событием для тавадов, устремившихся в Южную Осетию, явилось назначение в 1802 году в угодую знати главнокомандующим на Кавказе генерала П.Д. Цицианова, грузина по происхождению, жившего в России. Новый командующий, поощряя экспансию тавадов, значительно расширил владения грузинских феодалов. С его помощью они наделались землями, им передавались села в Южной Осетии. Грузинская знать рассматривала генерала Цицианова «правителем Грузии» и все свои проблемы решала при его поддержке. В год назначения генерала Цицианова особенно часто стали поступать жалобы и протесты со стороны осетинского населения, на которое ложилось тяжелое бремя повинностей в пользу грузинских феодалов. Считая себя людьми свободными, независимыми от Грузии, осетины решительно отказывались выполнять какие-либо повинности и вели отчаянную борьбу с засильем иноземных феодалов. Вооруженные столкновения нередко заканчивались убийством сборщиков повинностей, а иногда и самого феодала. По заключению надворного советника Ястребцева, с созданием в Грузии российской губернии осетины «отошли во владение» грузинских «князей, от которых терпят неслыханные доселе на Кавказе жестокости. Сии владельцы отнимают и продают у них детей, лишая всякого имущества. Оттого осетины ненавидят грузин с их верою». О «неслыханных доселе на Кавказе жестокостях» грузинских тавадов в Южной Осетии еще будет сказано, здесь же отметим другое. Российская политика в Грузии, рассчитанная на поиски социальной опоры среди тавадов и с этой целью поощрявшая последних в их феодальной экспансии, вызывала среди других кавказских народов немалый страх. Тот же надворный советник Ястребцев подчеркивал, что «прочие жители Кавказа вооружают против правительства (российского. – М. Б.), думая, что ежели Россия завладеет ими, то они впадут так же во власть грузинских князей и будут испытывать ту же бедственную участь». Оценку Ястребцева о политическом положении, создавшемся на Кавказе, разделял и архиепископ Досифей, считавший, что засилье грузинских князей в Южной Осетии вызовет «затруднения с присоединением горских жителей» к России.

Не менее сложно, чем в Южной Осетии, складывалась ситуация в Восточной Осетии (Тагаурии), также ставшей объектом феодальной экспансии грузинской знати. Здесь тавадов привлекали не только превосходные пастбища, скотоводческие хозяйства осетин, но и Осетинская дорога, соединявшая Северный Кавказ с Закавказьем; доходы от дороги, поступавшие от купцов и различных транспортов, были значительны. Генерал Цицианов, страдавший фанатерией грузинских князей, переименовал Осетинскую дорогу, назвав ее «Военно-Грузинской». Его не устраивало и то, что дорогу контролировали осетинские феодалы, строившие с помощью своих крестьян мосты через Терек и дорожные переходы. Генерал Цицианов решил привлечь к русской службе известного грузинского феодала Казбеги, ранее занимавшегося антироссийской деятельностью. Командующий готовил его на должность «начальника тагаурцев», т. е. Восточной Осетии, территория которой начиналась в предгорьях Северного Кавказа (по бассейнам рек Терека, Гизельдона и Геналдона) и заканчивалась далеко в Закавказье; на южную часть Восточной Осетии по бассейну реки Арагви претендовали также грузинские князья Эристава, просившие российские власти отвести им осетинские села. Генерал Цицианов лишил осетинских владельцев права взимания на Военно-Грузинской дороге пошлины; до этого проезжавшие по дороге транспорты платили пошлину за дорогу и отдельно за мосты. Серьезно подорвав политическую опору среди осетинской феодальной знати, российский командующий наряду с Южной Осетией создал в Восточной Осетии угрозу военно-стратегическим позициям России на Центральном Кавказе. Вскоре, как и ожидалось, Ахмет Дударов, наиболее известный и влиятельный осетинский феодал, владевший землями и частью Военно-Грузинской дороги в районе Ларса и Чми, был приглашен грузинскими царевичами в Кутаиси. Здесь состоялись переговоры о совместных действиях, направленных против российских и грузинских властей в Тифлисе. В Кутаиси обсуждались также крупномасштабные планы, связанные с военным сотрудничеством грузинских и осетинских политических сил с Ираном и Турцией; в 1803 году, когда велись переговоры в Кутаиси, у грузинских царевичей, находившихся на службе соседних государств, не было сомнений в начале русско-иранской и русско-турецкой войн. В том же году от Фетх-Али-шаха стали поступать в Осетию фирманы, оповещавшие местную знать о скорой войне с Россией.

С этого времени Осетии, подвергшейся политическим притеснениям со стороны генерала Цицианова и грузинских тавадов, отводилась значительная роль в будущей войне с Россией. Персидский шах в своих фирманах писал не только о возвращении Грузии в лоно своего государства, но и об овладении Осетией вплоть до Моздока и Кизляра. В различных обществах Осетии стали появляться грузинские царевичи. Они от имени персидского шаха призывали местное население к антироссийским выступлениям. Однако царевичи не имели в Осетии сколько-нибудь заметного успеха. Осетины знали цену обеим партиям грузинской знати – и тем, кто сотрудничал с российскими властями, добиваясь новых владений и феодальных привилегий, и тем, кто с точно такими же целями провоцировал персидского шаха к войне с Россией. По вовлечению осетин в грузинскую фронду и обострению ситуации на Центральном Кавказе более успешно, пожалуй, действовал генерал Цицианов. Вполне разделяя идеологию ксенофобии, свойственную своим грузинским сородичам, он сначала объявил блокаду Восточной Осетии, а затем, приступив к строительным работам на Военно-Грузинской дороге, заставлял местное население выполнять дорожные работы. Здесь, на дороге, нещадную эксплуатацию генерал Цицианов требовал сопровождать жестокостями и насилием над местным населением. Не забывал он и об осетинской знати, которая была недовольна политикой России, защищавшей интересы грузинских тавадов и не признававшей привилегии осетинских феодалов. В адрес последних генерал слал письма, полные жестоких угроз. Так, Ахмету Дударову Цицианов обещал приехать в Осетию, зарезать его и его же аристократической кровью смыть грязь с собственных сапог; подобная расправа, которую сулил генерал осетинскому феодалу, была широко распространена среди грузинских князей в Южной Осетии. Ахмет Дударов

не относился к пугливым, через грузинского царевича Александра он связался с персидским шахом и вскоре, по свидетельству русского офицера Стемковского, получил денег и на трех мулах золота. На эти средства весной 1804 года Ахмет Дударов создал вооруженный отряд и перекрыл Военно-Грузинскую дорогу. Цицианов не пытался вести переговоры с осетинской знатью; грузинская спесь и жажда крови, в каком-то особом холопском их выражении, довели его разум до помутнения. Действия Ахмета Дударова послужили поводом для применения к осетинскому населению знакомых генералу Цицианову методов насилия, к которым в Грузии прибегали войска персидского шаха. Он приказал «качать, пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища...» Осетинское население Восточной и Южной Осетии, ставшее жертвой прогрузинской политики Петербурга, обратилось к российским властям с заявлением: «Мы, – подчеркивалось в нем, – все до единого остановились на том, что если другая какая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, жен и детей вогнать туда и самим броситься и так сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен».

Русско-иранская и русско-турецкая войны: вовлечение Осетии в грузинскую фронду

В начале 1804 года Персия потребовала от России вывода своих войск из Закавказья. Отклонив ультиматум шаха, Россия была вынуждена вступить в войну с Ираном. Так Петербург, вынашивая идею спасения единой Грузии, но при этом имея в виду и свои собственные военно-стратегические цели в Закавказье, был вовлечен благодаря грузинским тавадам и генералу Цицианову в одну из тяжелых и продолжительных войн. Стоит подчеркнуть – в войне, начавшейся между Россией и Ираном, больше, чем Петербург и Тегеран, были заинтересованы грузинская знать – обе ее партии – пророссийская и антироссийская, а также Цицианов, вынашивавший планы возвращения Иверии ее «древних границ». Как отмечалось, проблема «древних границ», по существу ничем не обоснованная и отражавшая всего лишь особую степень агрессивности грузинской знати, возникала в российско-грузинских отношениях и раньше. Но ранее никто не решался конкретно формулировать «пределы» этих границ, на которые претендовали тавады. Под влиянием последних их впервые обозначил князь Цицианов. В начале 1805 года он заявил, что «Гуржистанское валийство» – так было принято называть будущую Грузию – «простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до реки Куры и Аракс». Грузинские тавады были единственными, кто в своих отношениях с Россией ставил на Кавказе вопрос о территориальной ретроспективе. Обращало на себя внимание и другое – территориальные притязания грузинской знати, которые объявлял князь Цицианов: никогда грузинские территории не достигали Дербента и не простирались «от моря Черного до моря Каспийского». Не было в истории момента, когда бы Грузия из Алазанской долины вошла в пределы Джаро-Белоканской возвышенности и каким-то образом – военным, политическим или же иным способом соприкоснулась с дагестанским Дербентом. В XVII и XVIII веках. наблюдалось другое – вытеснение грузинского населения из Кахетии крупными отрядами горцев Дагестана, опустошение Алазанской долины и компактное расселение горцев в этой долине. Результатом этого явилась потеря Ираклием II Телави, своей столицы, и переселение царской семьи в Тифлис.

Войной с Ираном воспользовались Франция и Турция. Первая из них активизировала свои военные действия на Балканах, а Порты, желавшая упрочить позиции в Имеретии и Северном Причерноморье, в конце 1806 года объявила войну России. Это были первые и, несомненно, самые тяжелые последствия политики Петербурга в Закавказье, и в первую очередь в Грузии.

В годы русско-иранской и русско-турецкой войн грузинская знать напоминала раковую опухоль, широко пустившую метастазы. С одной стороны, ее представители стали «подороже продавать» свою верность России, получая взамен новые владения и привилегии, с другой – грузинские царевичи и их сторонники из знати разъезжали по Осетии, Кабарде и Дагестану,

призывая местные народы к войне с Россией. Пользуясь антироссийскими настроениями, вызванными феодальной экспансией грузинских тавадов на Центральном Кавказе, царевичам Александру, Юлону и Парнаозу удалось поднять повстанческое движение в южной и восточной частях Осетии – в районах, составлявших главное направление феодальной экспансии грузинской знати. В самый сложный момент начала русско-иранской войны (в 1804 году) осетинские повстанцы числом 3000 человек во главе с Ахметом Дударовым закрыли Военно-Грузинскую дорогу, атаковали поместье грузинского князя Казбеги, которого генерал Цицианов прочил в управители восточных осетин, и повели длительную осаду Степан-Цминды, где была расположена русская команда. Вскоре к повстанцам присоединились южные осетины и грузинские села, расположенные на южных отрогах Центрального Кавказа, также страдавшие от феодального произвола тавадов. Антифеодальное и антироссийское движение принимало столь массовый характер, что летом 1804 года повстанцы под руководством Ахмета Дударова совершили нападение на Владикавказскую крепость. Российское командование, отрезанное повстанцами от метрополии, было вынуждено снять части войск с иранского фронта и вести ожесточенные бои с осетинским и грузинским крестьянством на северных и южных склонах Центрального Кавказа. Военные действия русских войск в югоосетинском направлении возглавил сам генерал Цицианов. Такое решение командующий принял не по соображениям военно-стратегической важности Южной Осетии; намного важнее было освободить от повстанцев Военно-Грузинскую дорогу и возобновить по ней движение военных транспортов, направлявшихся на русско-иранский фронт. Генерал Цицианов, планируя особо жестокие методы расправы над югоосетинским населением, не надеялся, что русские генералы и офицеры, нередко сочувствовавшие повстанцам, выполнят его репрессивные замыслы. К тому же командующий, желая укрепить в Южной Осетии феодальные позиции тавадов, решил на собственном уровне сломить сопротивление югоосетинского населения. В середине ноября 1804 года генерал Цицианов с крупным отрядом выступил из Цхинвали и приступил к репрессиям. Подводя итог своей карательной экспедиции в Южной Осетии, он был сдержан: «С войском, – писал он, – ходил в Осетию для наказания жителей ее, оказавших некоторые шалости, истребил многие селения в страх другим, сломал все башни, перебил всех осмелившихся противиться мне и возвратился с знатным пленом». На самом деле после карательных мер командующего на небольшой карте Осетии не стало многих населенных пунктов: они были либо разрушены, либо сожжены.

Несмотря на целый ряд уступок (в том числе «объявление милости» Ахмету Дударову), сделанных для народов Центрального Кавказа, отношение к генералу Цицианову со стороны горцев было как к жестокому грузину, занятому не столько интересами России, сколько выгодами грузинских феодалов. Не случайно, что из российских генералов-чиновников такого ранга он был, пожалуй, единственным, кто был убит в результате совершенного на него покушения.

Главкомандующим в Тифлис был назначен граф И.В. Гудович, многие годы служивший на Кавказе. Опытный генерал, хорошо знакомый с положением дел на Кавказском перевалке, с досадой писал в Петербург о том, что он «...нашел горских народов» как «отклонившихся от послушания», и свою задачу видел в «прекращении сего зла и приведение в горах живущих народов, а особливо осетинцев, в прежнее повиновение». Граф вернул права осетинских феодалов на Военно-Грузинской дороге, а Ахмету Дударову, которому Цицианов обещал «отрубить голову», присвоил офицерское звание майора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.